



Жизненный путь личности

Олег Дубровин

ПОГОНЯ ЗА ИЛЛЮЗИЕЙ*

Вступление

Я берусь за перо...

Когда тебе около восьмидесяти, а ты садишься писать о былом, то невольно на память приходят известные строки: «На старости я сызнова живу, минувшее проходит предо мною...» Почему я берусь за перо? Прежде всего, я хочу выполнить свой сыновний долг. Считается, что человек умирает дважды. Первый раз, когда он уходит из жизни физически. Второй раз, когда он уходит из памяти других людей.

Так вот, оставляя письменный след, я стараюсь как бы продлить жизнь своим родителям и близким. Пусть они ещё долго живут в доброй памяти потомков.

Другой вопрос. В чём ценность генеалогии? Зная, каковы корни, чем и как они питались, можно предположить, каков будет ствол и крона того дерева, которое называется родом. Ценность родословной состоит в том, что потомки должны не только знать своё прошлое, но и стремиться к сохранению традиций, к улучшению, развитию своего рода. Это уже касается детей и внуков. Стыдно быть Иванами – не помнящими родства и не думать о будущем.

И, наконец, третий аспект. Это самоочищение. Если я в чём-то был не прав и несправедлив по отношению к своим родителям и близким, то пусть эти добрые воспоминания о них будут моим покаянием. Недаром в Библии – гениальном творении человечества – говорится: «Чти мать и отца своего». Как ни странно, но чем короче

* Журнал печатает отрывки из рукописной книги нашего современника Олега Юрьевича Дубровина (1925–2004), капитана I ранга, участника Великой Отечественной войны, участника Парада Победы 1945 года.

становится путь, тем отчётливее представляется далёкое прошлое. Попытаюсь в сетях своей памяти найти факты, которые помогут воссоздать события минувших лет.

КОРНИ

1. Тамбов

Город, к которому привязан светлыми и счастливыми воспоминаниями

Тамбов – город, к которому я привязан светлыми и счастливыми воспоминаниями. Когда я слышу название этого города, оно отдается в моей душе чем-то особенным, торжественным и неповторимым. Что-то очень близкое, родное, интимное слышится в этом названии «Тамбов». Хотя фактически я родился в Москве, но с младенчества и до пятнадцатилетнего возраста каждый год летние месяцы мы с мамой проводили в Тамбове, у бабушки. Думаю, что я вправе считать его своей второй маленькой родиной.

С Тамбовом у меня связаны детские грезы и воспоминания. Там я начал делать первые шаги по длинной дороге жизни.

Поездка носила ритуализированный характер

Летняя кампания начиналась со сборов, готовились к выезду в Тамбов. По мере приближения дня отъезда суэта усиливалась. Бегали по магазинам, покупали сахар, конфеты, гостинцы, какие-то отрезки на платья, белье и т.п. Потом доставали чемоданы, корзины, пледы, сумки. Происходила торжественная упаковка всех необходимых на все лето вещей. Чемоданы под нажимом закрывались, корзины тщательно перевязывались, сумки выстраивались, как солдаты, по ранжиру. Отец доставал пролетку, подгонял ее к дому, загружались вещи и мы отправлялись на вокзал.

Выезжали на отдых обычно в начале июня. Сама поездка по железной дороге носила ритуализированный характер. Когда вещи занимали свои места на полках, и поезд трогался, все с интересом смотрели в окно на убегающие назад здания, станционные постройки, редкие автомобили и трамваи. Постепенно следы города исчезали, уступая место или придорожным лесам, или бескрайним полям.

Наконец наступал момент, когда на «авансцену» выплывала сумка с провизией. На дорожном столике появлялась колбаса, сыр, масло, хлеб, вареные яйца и другая снедь.

Это, конечно, в лучшие годы (1936–1939).

По расписанию поезд подходил к первой большой станции. Нянька снаряжалась за кипятком. В то время в поездах чай не подавали, зато на каждой приличной стан-

ции стояли огромные баки, в которых всегда был кипяток. Через какое-то время мать начинала волноваться, успеет ли Степанида сесть на поезд. Когда раздавался гудок паровоза, волнение достигало своей кульминации. Поезд трогался, и в этот момент появлялась Ильинична, которая, оказывается, последние минуты мило беседовала с проводницей. Обругав няньку, мать успокаивалась.

Заваривали чай, и начиналось неспешное чаепитие – процесс, одинаково почитаемый и москвичами, и тамбовчанами. Как правило, завязывались разговоры не только между собой, но и с соседями по вагону. Тогда еще не было отдельных купе с закрывающимися дверьми. Коллективизм, наоборот, распахивал все двери. Если отец не сопровождал нас в поезде (он иногда приезжал в Тамбов позже) и кто-то из соседей мужчин оказывал дамам внимание, то долго еще слышались шутки и взаимные подтрунивания по поводу еще одного «Вронского».

С приближением к очередной станции процедура повторялась. Сценарий не менялся. Наконец всех охватывала приятная дрема. Под мерный стук колес отдавались в объятья Морфея.

Рано утром нас приветливо встречал солнечным сиянием милый нашему сердцу Тамбов.

Поскольку отец работал в Главном коневодческом управлении Народного Комиссариата земледелия и был непосредственно связан с госконюшнями, то на вокзальной площади в каждый приезд нас поджидала пролетка с кучером – старым знакомым отца.

Отсюда начинался последний и самый волнующий этап пути к бабушкиному дому.

Анна Александровна, которую я звал баба Аня, вместе с падчерицей – сестрой моей матери по отцу – тетей Лизой встречали нас у подъезда; заливался радостным лаем Пушок – черная ласковая дворняга, с любопытством выглядывали из дверей несколько кошек. Вовсю кипел и стонал большущий медный самовар.

Оживлению и взаимной радости не было конца. С дороги умывались, причесывались, переодевались и опять неизменно предавались всемогущему чаепитию, разумеется, с множеством сортов варенья.

Русским людям вообще присуще гостеприимство. И с особой радостью я это видел и ощущал у всех своих родственников, а в дальнейшем и у родственников своей жены.

Центром ежегодной тамбовской эпопеи была моя баба Аня и ее дом. Какой я запомнил ее на всю жизнь? Она была женщина представительная, статная. Среднего роста, прямая, с гордо поднятой головой, узел седых

Волнующая
встреча с бабушкой

Бабушка была
женщиной
представительной
и статной

волос на темечке, ясный взгляд добрых и умных глаз, спокойная, уравновешенная и доброжелательная. Я никогда не видел ее возбужденной, взвинченной, неуравновешенной. Я никогда не слышал не только ее окрика, но даже нервного, громкого голоса.

Я никогда не ощущал с ее стороны какой-либо неприязни, злобы, возмущения.

Со всеми она была ровной: спокойной, рассудительной, добропорядочной, радушной. Чувствовалось в ней внутреннее достоинство, независимость, ни с кем она не сюсюкала, ни перед кем никогда не лебезила. Гордость ее была какая-то внутренняя, не переходящая в надменность. Ее дружелюбие вызывало искренне уважение. С ней многие были откровенны, хотели знать ее мнение, искали сочувствия. Она никогда не лгала, не кривила душой.

В прошлом преданная, верная жена, затем заботливая, строгая и любящая мать. Меня она, конечно, очень любила. Я это всегда чувствовал. Отношения наши складывались самым счастливым образом. Она никогда не одергивала меня, не повышала голоса, не ругала, я не чувствовал не свойственного ей менторского тона, каких-либо нудных поучений. И я отвечал ей уважением и послушанием.

Оглядываясь назад, могу сказать, что я не знал другого человека, в котором бы видел столько достоинств. К сожалению, Анна Александровна была малограмотна, хотя и любила читать художественную литературу.

С грамотой ее пути разошлись: писала она слова так, как слышала. Ее почерк более или менее разбирала только мама.

Когда был жив дед...

Когда был жив дед, а он, выходец из крестьян, стал управляющим имением брата известного Г.В. Чичерина, семья жила прилично и ни в чем не нуждалась. Продукты в изобилии доставлялись из имения. Заработок был достаточен, чтобы дед купил собственный дом, отправил двух сыновей в высшие учебные заведения, дал возможность трем дочерям обучаться в гимназии. Семью обслуживала кухарка, держали дворника.

Дед, Андрей Иванович Виноградов, умер от сердечного приступа в 1916 году. Дальнейшая жизнь в годы революции и Гражданской войны становилась все труднее. Постепенно все тяготы легли на плечи бабушки. Когда мы приезжали в Тамбов, она сама вела все хозяйство. В чем это заключалось?

Весной она вскапывала огород, сажала помидоры, огурцы, капусту, картошку и другие овощи. Грядки нуж-

но было регулярно поливать, а воду нужно было носить из колонки, расположенной от дома метров за 300. Что-бы были свежие яйца, бабушка с весны заводила несколько кур.

Надо было поддерживать в более или менее нормальном состоянии дом, сарай.

Вместе с бабой Аней одинаково трудилась и живущая с ней Елизавета Андреевна, ее падчерица.

Бабушка была
трусиха...

Был у бабы Ани все-таки один недостаток. Она была трусиха, правда, я бы сказал, целенаправленная трусиха. Во-первых, она боялась грозы, точнее грома. Когда начиналась гроза, а июль самый грозовой месяц года, бабушка спускалась в чулан, расположенный на первом этаже, возле кухни, ложилась на кушетку, закрывала голову большой пуховой подушкой и в таком положении пережидала грозу. Во-вторых, она слышать не могла о посещении московского метро.

Сколько я ей ни рассказывал, когда она гостила у нас, что в метро светло, просторно, все отделано мрамором, что это огромные помещения, где ходят поезда. Все было тщетно. Она, смеясь, говорила, что скоро будет свое метро, намекая на упокой в земле. В метро же она так ни разу и не зашла.

В молодости у бабушки было много хорошего, но в целом ее жизнь не баловала. Ей пришлось из шестерых похоронить четверых своих детей, мужа и многих родственников, испытать нужду, холод, неустроенность. Особенно тяжело было в период Великой Отечественной войны. Будучи тяжело больной, она ушла из жизни 27 декабря 1943 года.

Атмосфера
нравственных
устоев

Когда я говорю об Анне Александровне, я не могу отделить ее от многочисленных родственников и близких знакомых.

Они создавали особую атмосферу нравственных устоев, образа жизни и чайний, свойственных и присущих простым русским людям.

Вокруг бабушки было много людей, представляющих провинциальную интеллигенцию, в основном это были сельские учителя. Люди из деревенской глубинки, которым посчастливилось попасть и окончить гимназии и продолжить свою скромную деятельность на ниве просвещения, сея доброе, вечное. Это были ее многочисленные племянницы, подруги дочерей. В этой среде господствовала высокая нравственная атмосфера, чувствовалась любовь этих людей к своим воспитанникам и профессии, глубокое чувство долга перед Россией и ее народом. Они впитали в себя русские традиции и были пол-

ны неистребимого желания передать их подрастающей молодежи. Характерным было их времяпрепровождение. Прежде всего, любили русскую классику и много читали. Ценили музыку, многие играли на различных инструментах. Я хорошо помню, как иногда, собравшись у бабушки, многочисленные родственники и знакомые целыми вечерами пели прекрасные русские и украинские песни. Жизненная обстановка была очень скромная и простая.

Воспоминания о моей второй родине – Тамбове, о бабушке, друзьях и близких мне людях, проживающих в нем, не покидают меня. Там навсегда осталась частица моего «Я».

2. Мама

Мамино детство

Мама родилась 1 марта 1896 года. Ее детство проходило на реке Вороне, впадающей в Хопер. Села, где жили родственники, и которые она вспоминала – Ширяевка, Чернавка и ряд других, – располагались между Инжавино и Уварово бывшей Тамбовской губернии.

Когда пришло время обучать детей, дедушка, Андрей Иванович купил в Тамбове на Семинарской улице небольшой двухэтажный кирпичный дом. Семья жила в достатке. Содержали дворника и кухарку. Имели корову. Кроме того, дедушка, будучи управляющим в имении Чичериных, расположенном недалеко от Козлова (Мичуринска), периодически доставлял деревенскую продукцию.

Все дети обучались в Тамбове. Двое братьев, Михаил и Владимир, – в реальном училище, три сестры, Мария, Лидия и Анна, – в гимназии.

Мама окончила полный курс тамбовской женской гимназии в 1915 году с удовлетворительными успехами.

В том же году поступила в VIII дополнительный класс при гимназии и обучалась в 1915/1916 учебном году.

В результате она получила звание домашней учительницы по предмету русского языка и право начального преподавания русского языка и арифметики.

Трагический год

1916 год для семьи Виноградовых стал трагическим.

Умер от сердечного приступа Андрей Иванович. В этом же году в возрасте 18 лет ушла из жизни мамина сестра Анна.

Окончание гимназии и усложнившееся в результате смерти главы семьи материальное положение заставили маму искать работу. Продолжавшаяся война с Германией, связанный с этим патриотический настрой общества, и плоды воспитания в семье определили выбор – мама пошла работать в тамбовский госпиталь сестрой милосердия.

Мама вышла
замуж

В 1920 году мама вышла замуж за моего отца и стала жить в его семье. В 1923 году родители переехали в Москву.

Обстановка складывалась довольно сложная. С одной стороны, твердая позиция отца, что жена не должна работать, а ее удел заниматься хозяйством и воспитанием детей. С другой стороны, именно то, чего требовал отец, мама не умела – ни вести хозяйства, ни заниматься воспитанием. Мама была любимым ребенком в семье, и ее ограждали от черновой работы. Жизненный опыт ее, а тем более хозяйственный, был невелик. Да к тому же здоровье ее было неважным.

Вскоре появился я
Няня

Вскоре же на свет появился я.

Было принято решение пригласить няню из Тамбова – Степаниду Ильиничну Чекалову – хорошую знакомую семьи. Степанида Ильинична была на несколько лет старше мамы и являлась поверенной в ее личных делах. Няня родилась в деревне недалеко от крупного села Покрово-Марфино, расположенного в 50 километрах южнее Тамбова. Она не была образованной – читала по слогам, писала без учета грамматических правил. Отсутствие образования восполнялось крестьянской смекалкой, большим трудолюбием и широкой русской душой.

Она пришла к нам не как прислуга, труд которой оплачивался, она вошла в нашу семью на правах близкой родственницы, разделяя с нами все блага, трудности и невзгоды. Отношения между мамой и няней казались отношениями близких родственников. Так они выглядели внешне. Обе женщины основное внимание уделяли мне. Обе ходили в магазины и участвовали в приготовлении пищи.

Черновую работу делала Степанида Ильинична. Она была физически здоровее. В ее функции входило приносить из колонки воду, стирать, мыть полы, носить дрова, топить печку, полоскать на пруду белье. Глажкой, уборкой занималась мама.

Мама любила
читать вслух

Мама любила читать, хорошо знала русскую классику, умела хорошо и эмоционально рассказывать прочитанное. Мама читала вслух не только мне. Ее просветительская деятельность распространялась и на соседей. Помню такие вечера. Отец, очевидно, был в командировке. Приходили с нижнего этажа тетя Поля и тетя Вера. Рассаживались прямо на полу, подложив что-нибудь вроде ковриков. Рядом с ними устраивалась Степанида Ильинична. Мама, сидя на диване, начинала читать. Сначала все внимательно слушали, потом раздавались вздохи переживания, сочувственные возгласы, всхлипы, ахи и охи, и, наконец, оживленный обмен мнениями. Встре-

чаясь на следующий день, продолжали обмениваться впечатлениями по книге и выяснять, когда будет продолжение чтения.

Душа мамы

У мамы была нежная душа. Она любила теплоту, ласку; терпеть не могла грубость и хамство. Очень любила животных, особенно кошек, которые, насколько я помню, были у нас всегда. Не препятствовала моим прихотям заводить какое-нибудь зверье.

Любовь и нежность мамы к «младшим братьям» доходила до курьезов. Помню, как однажды откуда-то вылез совсем маленький мышонок, не познавший еще чувство страха и не приобретший осторожности, и начал не спеша рассказывать посреди комнаты. Пока мама сюсюкала над ним, какой он маленький и какой хорошенький, няня сделала то, что делает нормальная хозяйка, не желающая делить свои запасы с мышиним царством.

Благоприятный период

После замужества и переезда в Москву, в середине двадцатых годов, для мамы наступил благоприятный период. Это был период НЭПа. Молодость, рождение сына, отдельная, пусть и без удобств, квартира, прекрасный пейзаж Петровского парка, материальный достаток, возможность наслаждаться московскими театрами и книгами – все это вызывало радость жизни и осталось светлым пятном в ее памяти.

Жизнь изменилась с арестом отца

Но жизнь сильно изменилась с арестом моего отца. Трагедия мужа, лишенного свободы, неизвестность дальнейшей судьбы, сознание его невиновности и несправедливости случившегося приводили маму в отчаяние. И к тому же материальный тупик. Остались две женщины – мама и няня – с пятилетним ребенком на руках, не работающие и не имеющие средств к существованию.

В моей памяти запечатлелось, как с вечера няня уезжала к Бутырской тюрьме, занимала там очередь и где-то в соседних дворах дежурила всю ночь. Утром ее сменяла мама, несколько часов стояла на тюремных лестницах и в коридорах и, наконец, в окошечко сдавала передачу отцу. Помню, как я, погуляв во дворе, прибежал домой и просил поесть, на что мама мне отвечала предложением пойти еще погулять.

Однажды мама привела меня в сказочный дворец, называемый Торгсином, что означало «Торговля с иностранцами». За сданные золотые и серебряные вещи выдавались купоны, на которые можно было приобрести продукты или вещи. Я был совершенно потрясен. В витринах лежали шикарные коробки конфет, разнообразные пирожные, плитки шоколада и многое, многое другое, о чем я не мог и мечтать. Мама сдала какие-то украшения,

оставшиеся от лучших времен, но купить могла только самое дешевое и необходимое типа круп, макарон и тому подобное.

Материальное положение предвоенных лет заставило и няню, и маму искать работу. Тем более что я стал подростком и не требовал к себе прежнего внимания. Сначала на работу устроилась Степанида Ильинична. Она поступила уборщицей в Институт красной профессуры. Мама устроилась художницей-вышивальщицей на дому. Это позволяло ей работу сочетать с ведением хозяйства. В этом качестве мама проработала недолго. В июне 1941 года вышивальный цех был ликвидирован.

Я подрастал...

По мере того, как я подрастал и как губка впитывал в себя новые взгляды, увеличивалась пропасть между мной и мамой. Например, она говорила: «Зачем это нужно развивать какую-то химию? И в пищу стали бог знает чего добавлять, и одежда стала странная. Мы, дескать, в свое время ели натуральные продукты, вкусные, питательные, а теперь едят какой-то маргарин, консервы. Все не натуральное, искусственное». Обычно после этого она предавалась воспоминаниям. Какие в деревне были сливки, какие пенки на топленом молоке, какое сливочное масло, только что сбитое вручную. Вспоминала, какие сомы водились в реке Вороне. Подобных рассказов хватало на долгие вечера.

На это я возражал хрестоматийными истинами из школьных учебников и доводами преподавателей, слепо уверовавших в посулы сильных мира сего.

Стыдно вспоминать менторский тон, обращенный к маме

Помню, как уже будучи взрослым, имея за плечами технический вуз, я снисходительно объяснял маме, что сулит нам строительство каскадов гидроэлектростанций на Волге. Это и судоходные моря, и неисчерпаемые рыбные промыслы, и многое, многое другое. Сейчас стыдно вспоминать то, в чем я убеждал маму, да еще таким менторским тоном.

Только теперь я иначе начинаю смотреть на полуургательное слово «консерватор», и не противопоставляю научные теории извечной народной мудрости, порожденной веками практической деятельности.

Вспоминаются беседы и споры с мамой еще в одной области: о любимых нами животных. Мама высказывала точку зрения, что у животных есть разум. Я, пересказывая утверждения школьных учителей, говорил, что никакого разума у них нет и быть не может, а есть только инстинкты. Мама, не отрицая заложенных природой в организм инстинктов, в то же время приводила простые примеры в пользу того, что у животных, особенно высо-

коорганизованных, проявляются и разумные начала. И приводила в пример нашу немецкую овчарку Ирму: «О каком инстинкте может идти речь, если после первого показа, как надо приносить белье хозяйке, Ирмушка считала своим долгом осуществлять это каждое утро».

Мне казалось, что я превзошел своих родителей

Сколько раз мне казалось, по мере того как я постигал жизнь и получал все более широкое образование, что я намного превзошел своих родителей. И сколько раз я имел возможность убедиться в обратном. Никакие теоретические знания не в силах полностью заменить практический жизненный опыт. Недаром мудрыми людьми считались всегда люди в солидном возрасте.

Доброта и правдивость — мамины черты

Характерными чертами мамы были доброта и правдивость. Первой заповедью было гостеприимство. По принципу «чем богаты, тем и рады», когда приходили гости, все запасы, правда, очень скромные, выставлялись на стол. Мама, как хозяйка, получала истинное удовольствие, когда за столом хорошо ели, и радовалась удачно приготовленной пище.

Она, как могла, помогала людям, попавшим в беду. В память врезался такой случай. Это был где-то 1933 год. С голодающей Украины хлынул поток нищих. Однажды соседки позвали маму во двор. Там стоял оборванный старик с мальчиком. Соседки объяснили, что старик с внуком ищет пристанища и просит разрешить пожить ему пока в нашем большом, стоящем отдельно сарае, где мы хранили дрова и кое-какие вещи. Узнав, что это вышла хозяйка помещения, старик упал на колени и, низко кланяясь, стал просить об этом же маму.

Она была страшно смущена самой сценой, сказала, что не станет говорить, пока старик не поднимется с колен, а потом, ничего больше не спрашивая, вынесла ключи от замка. В течение нескольких недель, а может быть и дольше, неожиданные постояльцы имели крышу над головой.

Мама прожила долгую жизнь...

Мама прожила долгую жизнь. Она умерла, когда ей исполнилось 87 лет. И это при тяготах, выпавших на долю ее поколения, пережившего первую мировую, гражданскую, Отечественную войны, коллективизацию, индустриализацию и еще неисчислимое количество различных социальных экспериментов, которые приносили огромные материальные трудности и душевные потрясения.

(Продолжение следует)

